

УДК 167.7

Рафаэль Юсупович Рахматуллин, доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»
e-mail: rafat54@mail.ru

ПРАКТИКА КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Целью статьи является обоснование категориального статуса понятия «практика» в философии науки. В эпистемологии практику принято рассматривать в качестве антонима понятия «теория». От других форм деятельности человека ее отличают материальный и сознательный характер. В статье анализируются познавательные возможности практики. Она рассматривается как: а) основа познания; б) цель познавательной деятельности; в) критерий истинности знания; г) источник познания. Главная роль практики в научно-познавательной деятельности усматривается в ее возможности выступать в качестве основы формирования логического мышления. Указывается, что истоки теории формирования мышления следует искать в психологической концепции интериоризации. Раскрываются сильные и слабые стороны теории интериоризации. Делается вывод, что возникшие в ней противоречия могут быть решены лишь в признании правильности панлогического учения Гегеля.

Ключевые слова: практика, логическое мышление, интериоризация, эксперимент, материальное производство, структура.

Связь практики и познания начинает исследоваться в европейской философии Нового времени, знаковым выражением которой стало появление знаменитого тезиса Ф. Бэкона «Знание – сила». Позже И. Кант рассматривает практику в качестве формы реализации свободы человека, когда именно свобода определяет регулятивы поведения личности, называемые моралью. В XX веке в связи с научно-технической революцией наука постепенно обретает новое качество – быть непосредственной производительной силой общества. Практика начинает рассматриваться в оппозиции к теории. В гносеологии под практикой начинают понимать материальную, сознательную деятельность человека, а под видами практики – материальный труд (производственную практику), эксперимент (научную практику) и социально-преобразующую деятельность людей (участие в революциях, войнах, протестных движениях, борьба с преступностью, врачебную практику и т. п.).

Разделение человеческой деятельности на два вида – материальную и духовную – было осуществлено еще Платоном. В диалоге «Пир» он пишет, что онтологической основой материальной, по его выражению – «эротической» – деятельности является древнейший бог Эрот, возникший следом за Хаосом. Такая деятельность направлена на творение чувственных вещей [9, с. 104-115]. Наряду с ней, считает Платон, существует эноптическая деятельность, которая направлена на созерцание идей-прообразов, лежащих в основании материального мира. Цель обоих видов деятельности – достижение блага [9, с. 134-141]. Но достижение блага всех благ, вечного блага, возможно только при помощи теоретического умозрения. В этом платоновском учении кроются истоки европейского рационализма, который начинает терять свою господствующую роль лишь в Новое время, когда,

прежде всего благодаря усилиям Ф. Бэкона, рождается эмпиризм. Эксперимент, как вид практики, с тех времен занимает важнейшее место в научном пространстве.

В отечественной философии заметное внимание к практике как средству решения эпистемологических задач наблюдается в 1960–80 годы. На наш взгляд, провоцирующим фактором такой активности послужила психологическая концепция интериоризации, претендующая на объяснение феномена зарождения психических образов и логического мышления. В основе теории интериоризации лежат идеи зарубежных психологов П. Жане и Ж. Пиаже, а также культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, развитые затем П.Я. Гальпериным, Д.Б. Элькониным, П.И. Зинченко, В.В. Давыдовым и другими отечественными психологами. Сторонники этой теории утверждают, что причиной формирования высших психических функций человека является усвоение им структур (схем) практической деятельности.

Правда, существовала и критикуемая в советской философии эпистемологическая концепция американского физика П. Бриджмена под названием «операционализм», полностью согласовывающаяся с теорией интериоризации. Основываясь на материале физики, Бриджмен доказывал, что значение научных терминов формируется на основе практических действий с их денотатами, например, при помощи измерения, осуществляемого в процессе наблюдения и эксперимента. Например, он полагал, что революция в физике, связанная с переходом от классической механике к релятивистской, была связана с изменением процедуры измерений, проведенных в эксперименте [15].

Знаковым событием, определившим на многие годы интерес к практике как основе познания, было появление сенсационной статьи Э.В. Ильенкова

«Идеальное» в «Философской энциклопедии» [3]. Автор утверждал, что прототипом, шаблоном логических структур являются находящиеся вне психики практические действия человека, освоенные им в процессе социализации. Позже эта идея была подтверждена результатами долгосрочного эксперимента по формированию логического мышления у слепоглохих детей, воспитывавшихся в школе-интернате города Загорска (ныне город Сергиев Посад). В начале 1975 года результаты этого эксперимента, участником и идейным вдохновителем которого являлся сам Ильенков, обсуждались на расширенном заседании Ученого совета психологического факультета МГУ с широким участием известных философов, работавших в области эпистемологии, а затем были опубликованы в журнале «Вопросы философии» [2].

Суть эксперимента заключалась в том, что сначала слепоглохих детей обучали практическим навыкам обращения с повседневными вещами (пользоваться ложкой, мыть посуду, стирать, одеваться и обуваться и т.п.). В соответствии с культурно-исторической концепцией Л.С. Выготского, каждое действие и предмет действия обозначались «дактильными словами» (последовательностью прикосновений, главным образом, к ладони). После овладения «дактильным алфавитом» следовало обучение азбуке Брайля, на котором изданы учебники для слепых. По этим учебникам они овладевали программой общеобразовательной школы. Эксперимент оказался успешным: испытуемые успешно овладели программой средней общеобразовательной школы, а четверо были зачислены на психологический факультет МГУ. Впоследствии один из них – А.В. Суворов – стал доктором психологических наук [13].

Таким образом, эксперимент подтвердил, что для формирования логического мышления необходимо овладение формами практического действия. Он же помог объяснить, почему у детей, воспитанных животными, не появляется абстрактное мышление.

Заметим, что концепция Ильенкова была поддержана и развита самым талантливым его учеником, флагманом нынешней эпистемологии – В.А. Лекторским, который уже в 1965 году писал: «Знание об объекте – это результат, кристаллизация и форма осуществления особого рода деятельности, особенность которой состоит в том, что она «движется вдоль объекта», активно воспроизводя содержание объекта в содержание знания» [5, с. 91].

Мы считаем принцип первичности практики по отношению к логическому мышлению главным аргументом, позволяющим включать практическую деятельность человека в поле эпистемологических исследований. Из этого же принципа вытекает и рассмотрение научной теории в качестве описания и объяснения эксперимента как вида научно-пра-

ктической деятельности. Согласно этой концепции, структура естественнонаучной теории является отражением структуры эксперимента. В наиболее ярком виде она выражена талантливым физиком, активным участником Московского методологического кружка Г.П. Щедровицкого по философии науки И.С. Алексеевым. Он шутливо называл свою концепцию научного знания «субъективным материализмом», имея в виду, что субстанциональной основой формирования знаний является материальная деятельность субъекта познания, т.е. практика [1]. Его единомышленник, ныне авторитетный отечественный эпистемолог В.С. Стёпин, расширяет практические основания научной теории, включив в них не только научную, но и производственную практику [12].

Правда, в указанной концепции есть и недостаток, о котором мы уже писали [10, с. 148-149]. Дело в том, что практическая деятельность уже предполагает наличие сознания (к примеру, материальные действия еще не обладающего сознанием младенца нельзя считать видом практики). Но в этом случае возникает логическая ошибка, известная под названием «круг в определении»: генезис практической деятельности человека предполагает наличие у него логического мышления. Но формирование последнего возможно лишь при наличии практики. Выход из этой ситуации мы видим лишь в признании правильности панлогической концепции Гегеля, в которой логическое, идеальное изначально присутствует в объективной реальности, а не вносится туда в процессе опредмечивания мысли [8, с. 53]. Именно так предлагал «исправить» концепцию соратник Э.В. Ильенкова М.А. Лифшиц, помещивший основания логического мышления в объективную реальность [7].

Практика выполняет и другую роль в научном познании: она определяет выбор цели исследования. В конечном счете, такая цель оказывается материальной. На это, в частности, указывает история появления научного знания. К примеру, геометрия возникает для решения практической задачи деления земельных площадей между владельцами в условиях появления частной собственности на землю. Медицинские науки возникают в качестве реализации практической задачи оздоровления человека. Повышение активности в развитии тех или иных отраслей научного познания также связано с возникновением потребности в решении новых практических задач. Ф. Энгельс заметил, что производственные потребности «продвигают науку вперед больше, чем десятки университетов» [14, с. 174]. К примеру, цель получения атомной бомбы в СССР после Второй мировой войны привела к заметной активизации исследований в области атомной физики.

Известной эпистемологической функцией практики является ее способность выступать в качест-

ве критерия истины. Существует мнение, что впервые в наиболее ясном виде на это указал К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе»: «В практике должен человек доказать истинность, т.е. действительность и мощь посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос» [8, с. 1-2].

Эта функция практики полностью согласуется с вариантом когерентной концепции истины, в котором истиной называют знание об объекте, которое не противоречит другим знаниям о нем. В нашем случае речь идет о согласовании теоретических знаний со знаниями, полученными опытным путем (в процессе производственной, социальной практики или эксперимента). Правда, сама практика, как и истина, с течением времени изменяется. Результаты эксперимента, поставленного с использованием современных приборов, могут существенно отличаться от результатов эксперимента, поставленного в XVIII веке при ограниченных технических возможностях. «Критерий практики никогда не может <...> подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления» [6, с. 145]. Практика является критерием истины лишь в ее собственных границах, определяемых местом, временем и обстоятельствами. В этом заключается относительность и конкретность этого критерия истины.

Еще одна присущая практике функция заключается в ее способности выступать в качестве источника познания. Она вытекает из гегелевского принципа восхождения знания от абстрактного к конкретному, примененному впоследствии К. Марксом для создания новой экономической теории. Этот принцип рассматривается Ильенко-

вым как подтверждение деятельностного подхода в эпистемологии [4]. Его суть заключается в том, что исследователь начинает изучать объект, руководствуясь с уже имеющимися у него какими-то знаниями о нем («абстракциями»). Но практическое взаимодействие с объектом в производственной и социально-преобразующей деятельности или эксперименте корректирует его старые знания. При этом взаимодействии могут открыться совершенно неизвестные ранее грани объекта познания, требующие новых исследований и подходов к объекту. В этом процессе изменяется и сам субъект познания. На этом процесс познания не заканчивается: обогащенный новыми знаниями исследователь начинает применять их на практике. Но новые взаимодействия познания и практики порождают новые ситуации, требующие корректировки знаний. И так до бесконечности. Это один из алгоритмов движения познания от знания одного уровня сущности к следующему его уровню.

Выводы:

1. Главным фактором, позволяющим включить практику в структуру научного познания, является то, что она выступает ближайшим онтологическим основанием, определяющим структуру логического мышления. В этом контексте научная теория может быть рассмотрена как отражение и выражение определенного вида практической деятельности человека.

2. Важными эпистемологическими функциями практики являются также следующие: а) практика влияет на выбор цели научного исследования; б) выступает в определенных границах критерием истины; в) является источником новых знаний, раскрывающим новые грани объекта познания, и стимулирует новые этапы познавательной деятельности.

Литература

1. Алексеев, И.С. Возможная модель структуры физического знания / И.С. Алексеев // Проблемы истории и методологии научного познания. – Москва: Наука, 1974. – С. 207-214.
2. Гургенидзе, Г.С. Выдающееся достижение советской науки / Г.С. Гургенидзе, Э.В. Ильенков // Вопросы философии. – 1975. – № 6. – С. 63-73.
3. Ильенков, Э. В. Идеальное / Э.В. Ильенков // Философская энциклопедия. – В 5 т. – Москва: Советская энциклопедия, 1962. – Т. 2. – С. 219-227.
4. Ильенков, Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса / Э.В. Ильенков. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.
5. Лекторский, В.А. Проблема субъекта и объекта в классической и современной буржуазной философии / В.А. Лекторский. – Москва: Высшая школа, 1965. – 122 с.
6. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. – Т. 18. – Москва: Политгиздат, 1988. – 525 с.
7. Лифшиц, М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального) / М.А. Лифшиц. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – 368 с.
8. Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. – Т. 3. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 1-4.
9. Платон. Пир / Платон // Сочинения в 3 т. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1970. – С. 96-156.
10. Рахматуллин, Р.Ю. Об онтологических основаниях логического мышления / Р.Ю. Рахматуллин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 9-2 (47). – С. 148-150.

11. Рахматуллин, Р.Ю. Проблема идеального в свете трудов Д.В. Пивоварова / Р.Ю. Рахматуллин // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 10. – С. 51-55.
12. Степин, В.С. Научное познание как «опережающее отражение» практики / В.С. Степин // Практика и познание. – Москва: Наука, 1973. – С. 206-227.
13. Суворов, А.В. Уроки Загорского эксперимента в контексте тифлосурдопсихологии / А.В. Суворов // Дефектология. – 2015. – № 6. – С. 3-16.
14. Энгельс, Ф. Письмо В. Боргиусу / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. – Т. 39. – Москва: Издательство политической литературы, 1966. – С. 174-176.
14. Bridgman, P.W. Reflections of a Physicist / P.W. Bridgman. – N.Y.: Philosophical Library, 1955. – 576.